

6. Другое поле. Социологические практики. / Под ред. Е.Л. Омельченко, С.А. Перфильева. - Ульяновск: Издательство Государственного научного учреждения "Средневолжский научный центр", 2000. - 364 с.М.2000
7. Молодежная культура: проблемы и перспективы развития. Горький. 1990
8. Меренков А.В. Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург 2003
9. Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структуры поведения. М. 1995
10. Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры //Социс, 1997, №10, с 100-103
11. Шаров А.В. Взаимодействие культур и проблема идентичности Кантовские чтения в КРСУ (22 апреля 2004 г.);Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / Под общ.ред. И.И. Ивановой. — Бишкек, 2004. — С.171-176

Амбарова П. А.,
г. Екатеринбург

КУЛЬТУРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ «СОЦИАЛЬНЫХ ЧАСОВ»

Понятие «социальных часов» определяет основные возрастные периоды, в которые предписывается или допускается освоение тех или иных социальных статусов и ролей, видов деятельности. Сектора «социальных часов» соответствуют значимыми этапами социализации и образованы «жизненными сюжетами» — социокультурными условиями и обстоятельствами обретения того или иного статуса и освоения соответствующей социальной роли.

Время «старта», окончания, длительность разворачивания «жизненных сюжетов» обусловлены не только формальными нормами (возраст кандидата

на пост президента, получения паспорта, совершеннолетие, выхода на пенсию), но и неформальными социальными требованиями и ожиданиями.

«Социальные часы» складываются на основе временной картины мира и могут рассматриваться как механизм регулирования социальной системы, а также обыденного поведения людей и повседневных взаимодействий.

Особенности «социальных часов» выявляются как при диахронном, так и синхронном рассмотрении. Вариативность социального времени наблюдается в рамках одной культуры при смене исторических эпох. При синхронном рассмотрении характер «социальных часов» определяется не только цивилизационным развитием, но и национально-культурной спецификой (традициями, ценностями, стереотипами, гендерными ролями).

Один из факторов «социальных часов», связанных с особенностями национальных культур, – ценностное отношение к различным возрастным периодам – нашел отражение в обыденных представлениях, философских и культурологических сочинениях, трудах антропологов и психологов [1], художественных произведениях.

В рамках одного и того же типа общества (традиционного, индустриального или постиндустриального) наблюдается общность оценок детства, молодости, зрелости или старости. Тем не менее, в конкретных культурах, принадлежащих к одному типу цивилизации, нет абсолютного единства в понимании содержания, характера, результатов и факторов социализации. Например, в США ребенок с рождения считается личностью со своими потребностями и желаниями, имеет право на их признание, понимание и удовлетворение в рамках допустимого. В России младенец и ребенок лишены самостоятельности. В большинстве случаев работает традиционная установка: мать сама знает потребности ребенка и способы их наилучшего удовлетворения. В соответствии с такими представлениями сформированы нормы детского поведения: американская мама стимулирует ребенка к активному освоению окружающего мира, а российская мама

желает видеть свое дитя послушным, спокойным, неактивным – «маленьким взрослым».

Результаты социализации связаны с интериоризацией социальных и культурных навыков, необходимых для определенных видов социальной деятельности и взаимодействий. Для будущей бытовой и трудовой деятельности человека значение имеют такие «жизненные сюжеты» детства, как приучение к «туалетному поведению», отделение от матери, предполагающее отдельный сон и расширение социального окружения (подключение к воспитанию агентов, не относящиеся к семье), обучение в рамках института образования.

Нормы западной культуры предписывают позднее приучение к туалету, но раннее отделение ребенка от ближайшего окружения, ранний «старт» общеобразовательного обучения, достаточно продолжительного по времени, с акцентом на раннее интеллектуальное развитие и отнесение профессионального обучения на поздние сроки. В традиционных культурах, напротив, практикуется раннее высаживание и пролонгирование тесной связи, в том числе совместного сна, ребенка и родителей (до трех и более лет), раннее обучение трудовым навыкам при минимизации или отсутствии специального обучения общетеоретическим и общекультурным знаниям.

Межкультурные различия «социальных часов» характерны для юности и молодости. Здесь ключевыми «сюжетами» являются наступление совершеннолетия, брачного возраста, начало и развитие профессиональной и трудовой карьеры, организация самостоятельного быта.

В традиционном обществе отрочество вообще не выделяется как самостоятельный период, скорее как чрезвычайно краткий переход от детства к взрослому состоянию, обставленный обрядами инициации. В обществах доиндустриального типа совершеннолетие наступает рано (в 12–13 лет), причем у девочек несколько раньше, в современных индустриальных и постиндустриальных обществах этот возраст наступает в 18–21 год и не имеет гендерной специфики.

Варьируется и брачный возраст. В традиционных культурах он может наступить в 8–14 лет, хотя такие браки носят символический характер до наступления половой зрелости. В западноевропейских странах возраст вступления в первый брак колеблется между 20–30 годами, а повторные браки «позволяются» даже в преклонном возрасте (в традиционных культурах верхняя граница брачного возраста, в том числе для повторных браков ограничена).

Обучение трудовым навыкам и приучение к труду, включение в самостоятельную трудовую деятельность можно рассматривать как важнейшие этапы социализации и, соответственно, отдельные «жизненные сюжеты».

В традиционных обществах включение в трудовую деятельность происходит еще в детстве, т. е. намного раньше, чем в индустриальных и постиндустриальных обществах. Исследование, проведенное Монро Р. Г. и Р. Л., Шиммин Г. С. «Труд в четырех культурах: детерминанты и следствия» (1984), показало, что в три года различные обязанности занимают у детей из традиционного общества до десяти процентов времени, а к девяти годам они затрачивают до трети своего внешкольного времени, а в жизни детей современного постиндустриального общества от трех до девяти лет труду отводится минимальная роль [2].

В традиционных обществах посильный детский труд – общепринятая практика, проверенная веками и закреплённая традициями. В развитых странах характер детского труда и возраст вовлечения в него определяются особенностями социального положения. Дети из депривированных социальных слоев начинают работать рано (в 5–6 лет) и труд этот имеет вынужденный характер и негативные последствия для физического, психического, социального здоровья. Западное общество рассматривает вынужденный ранний детский труд как асоциальное явление, антиценность и стремится противодействовать этому в теории и практике законоотворчества,

социальной защиты, педагогики. За норму принимается подростковый труд, общественно либо личностно значимый, не опасный для жизни и здоровья.

В странах западного мира продолжительное общеобразовательное и профессиональное обучение сдвигают начало трудовой и профессиональной карьеры на более позднее время. Это общая черта. Однако ожидания относительно времени достижения определенных должностных статусов разнятся. Например, для российской культуры характерен негативный стереотип молодого руководителя. Человек в 25 лет может занять ключевую позицию в организации, однако под сомнение будут поставлены такие аспекты, как уровень его профессионализма, умение принимать взвешенные решения, в целом уважение и доверие к нему со стороны персонала, восприятие его распоряжений. Персонал западноевропейских и американских компаний более лояльно относится к молодым руководителям. В особую группу можно выделить представления о возрасте политических и общественных деятелей.

Старость как жизненная фаза определяется не только физио-биологическим состоянием, но и культурными и социальными параметрами.

В традиционном обществе старость ранняя, что объясняется короткой продолжительностью жизни и низким ее качеством, а также традиционными представлениями об этапах жизненного пути. Например, в Индии человек, вырастивший детей, сыгравший их свадьбы и дождавшийся внуков, не только имеет право, но и обязан уступить свое место главы дома сыну (соответственно жена передает домохозяйство невестке) [3]. Это происходит где-то после 40 лет, а 60-летний рубеж вообще воспринимается как глубокая дряхлость. Эти особенности «социальных часов» в индийской культуре отражены в поговорках: «В двадцать – знания, в тридцать – богатство, в сорок – конец», «Шестьдесят стукнуло, ум заклинило, в руках палка, за спиной [дразнящая] ребятня».

Репертуар социальных ролей, отводимых в традиционном обществе старшему поколению, небольшой и включает различные варианты

«советника» (в хозяйственных, семейных, общественных, политических, религиозных делах) и «духовного странника» (монашество, подготовка к смерти).

Отношение к старости в западной культуре амбивалентно. Например, американская культура, ориентированная на будущее и молодость, рассматривает старость как антиценность в том случае, если она ограничивает возможности в общении, развитии, передвижении. Ценятся «молодые» старики, независимые, способные жить активной жизнью – путешествовать, работать, позитивно относиться к себе и окружающему миру. Поэтому набор «жизненных сюжетов», в которых пожилые люди могут участвовать, включает заключение браков, обучение в вузах (университеты «третьего возраста») и получение ученых степеней, получение водительских прав, начало новой профессиональной карьеры (актера, модели, художника, преподавателя).

Представленные «жизненные сюжеты» не исчерпывают всего многообразия содержания различных периодов социализации и их временной вариативности. Однако даже краткий их обзор позволяет обратить внимание на межкультурные различия.

Литература

1. См.: *Ариес Ф.* Возрасты жизни // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977; *Гидденс Э.* Социология. М.: Едиториал УРСС, 1999; *Демоз Л.* Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000; *Кон И. С.* Ребенок и общество. М.: Академия, 2003; *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988; *Шопенгауэр А.* Афоризмы для усвоения житейской мудрости. М.: Фолио, 2009.

2. См.: *Белик А.* Культурология. Антропологические теории культур. М.: РГГУ, 1999.

3. Глушкова И. «Возраст случился»: модель и антимодель индийской старости // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: